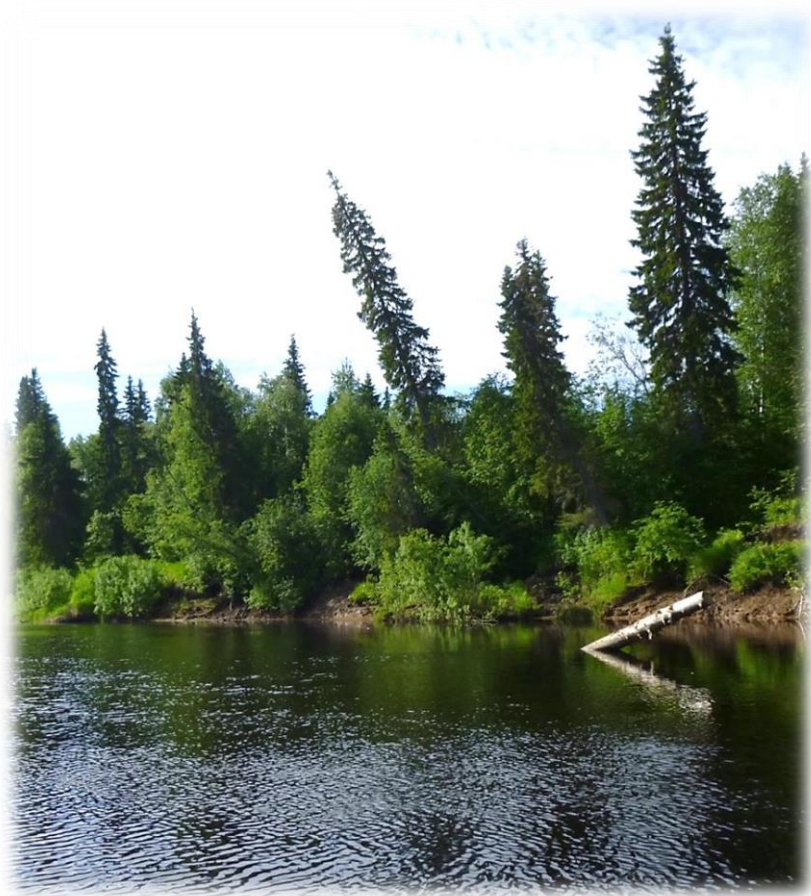

Александр Якушев

МЕЗЕНСКАЯ СТОРОНА

МЕЗЕНСКАЯ СТОРОНА

*Не пляжи заморские манят, не снится домашний уют,
Камыш и тихая заводь мне часто заснуть не дают.
Не важно, что ждёт неудача, и сплавы так далеки,
Я не могу, поймите, иначе, я всею душой у реки.*

Почти у каждого литератора есть свой вдохновитель – писатель. Стоит прочесть несколько страниц из его книги, и тотчас же находится, и нужное слово, и мысль-молния, и возникает нестерпимое желание, плыть и плыть на литературной волне вдохновения. Для меня – это К.Г.Паустовский. И не характер его творчества, не его манера рассказа, не его литературные темы, которые мне очень близки и интересны, сыграли главную роль. Между нами установилась личная связь после прочтения мной его рассказов о Мещерском крае, близком для меня тем, что на реке Пре, где расселялись староверы-калганники, есть село – моя малая родина по отцовской линии. Его творчество гениально просто и поэтому привлекает меня. Конечно, я читаю и других русских писателей, но здесь что-то личное. Да и по-другому быть не может. Именно ему принадлежит, пожалуй, самая яркая, с моей стороны, литературная фраза: “Гришино было селом насквозь русским” Одно слово, а сколько в нём смысла и сколько правды!

Ранее мне удавались короткие очерки о путешествиях, дальних и не очень, но сейчас я намеренно хочу уйти от публицистики и литературной полемики и воззрений. Эта поездка

удалась исключительно потому, что я не ставил своей целью рыбалку.

Все известные литературные произведения о Мезенском крае были созданы в окружении неведомой силы, которая формировала дух русского севера. Я обязательно изучу литературные произведения А. Грина, М. Пришвина, Ф. Абрамова, А. Чапыгина, созданные в соавторстве с неповторимой красотой этого края. Мезенский край это заслуживает. Целью такого литературного исследования станет поиск и описание изменений, которые произошли за последнее столетие с момента исторического слома русского уклада жизни, который веками формировался в поморских землях. Последние десятилетия стремительно изменяют нас. Что изменилось в людях, и как нам сохранить первозданность Русского Севера? Это крайне важный вопрос, и ответ на него не простой, но я сделаю эту первую попытку.

В этом году я запланировал несколько поездок на рыбалку, и в апреле, перед поездкой на нижнюю Волгу, я прочитал несколько рассказов, один из которых мне сильно запомнился. Золотая роза Шамета! Мне так же хотелось собрать “золотую пыль” и по крупинкам, по песчинкам, постараться раскрыть силу и красоту края, который я часто посещал. Но у меня ничего не получилось. Я написал очередной фоторепортаж. Причиной, я считаю, стало моё нежелание собрать все наблюдения, настолько омерзительно я воспринял всё увиденное – результат использования человеком окружающей его природы, его оторванности от неё.

Поездка, о которой я хочу рассказать, началась задолго до её начала, и я, уже представляя себе

предполагаемые впечатления, даже подготовил тему и стиль своего нового литературного произведения, но герои моего рассказа изменили мои планы. Это доказательство того, что подлинная жизнь сильнее человека.

В начале было... нет, не Слово. Карта! С неё-то всё и началось. Блуждая по страницам интернета в поисках интересного рыболовного маршрута в Архангельской области, я зашел в гости на сайт геолога – страстного рыболова, который работал двадцать лет назад в Мезенском и других районах Архангельской области. Я прочитал почти все его рассказы, иллюстрированные в большей части черно-белыми фотографиями, и понял, что пора бы уже и познакомиться. В результате заочного знакомства с Константином в одном из его писем была приложена карта с маршрутами. Я, как Джим из романа “Остров

сокровищ”, стал обладателем секретной карты! Я по-детски смотрел на эту карту и изучал течение неведомых мне рек, проникал в глушь лесов, и повторял звучные, новые для меня названия поселений.

Теперь надо было найти проводника. На форуме на мой запрос ответил Саня. Его фотоотчеты о рыболовных походах и охотах, просмотренные мной до поездки, смогут послужить основой для отдельного сборника для начинающих следопытов по Мезенскому краю. Я очень признателен и Константину и Сане за то, что они есть, за их желание мне помочь, ведь именно благодаря им и состоялось моё путешествие.

И вот, после почти двух месяцев ожидания, поезд Москва – Архангельск отправляется в путь.

Проснувшись рано утром, и, ожидая конечную станцию, я смотрел в окно. Деревья северного леса встречали меня как караульные на посту в тёмно-зеленых шинелях – настолько удивили меня формы елей, берез, осин. Поразил и неизвестный для меня цвет воды в водоёмах, с особым, чайным оттенком.

Я почувствовал жадность, да, именно какую-то странную жадность к лесу, к воде. Настолько я хотел приблизиться к своей цели – вырваться из цивилизации в лес.

На перроне из окна вагона я сразу же узнал Саню. Значит, всё задуманное сбудется, пожелал я сам себе. После очного знакомства грузим мои вещи в его, знакомый мне по фотоотчётам, внедорожный Бухлобус. Там же, на вокзале, купил себе недельный походный продовольственный паёк.

Я многое узнал о нём из его публикаций на форуме, и он, как я понял, тоже прочитал репортажи с моего личного сайта. Мы мчались по улицам утреннего города, впереди почти десять часов пути. Беседа началась, как это обычно и бывает, с разговора о местности, которую я изучал по своей секретной карте. Оказывается, многие населённые пункты и реки имеют непривычное для нас ударение в слове, так как происхождением обязаны языкам коми-зырян и ненцев: Кúлой Пíнега, Мезэнь. Я часто путался в названиях. Первые три дня.

Дорога на автомобиле до места пересадки в лодку, занимает много времени и пугает многих туристов, поэтому места, куда мне порекомендовал Саня отличались своей первозданностью. Я смотрел в окно, ожидая встречи с рекой. Километр за километром мы отдалялись от цивилизации, и подтверждением тому была смена северного леса с высокими стройными стволами (или как их тут называют хлыстами) деревьев к лесу приполярному, где вместо травы уже ягель. Да, дорога утомительна, и в сухую погоду, по большаку, наглотаться пыли – пара пустяков, но по мере удаления от областного центра мы всё реже и реже встречали встречные автомобили и я убеждался в правоте своего выбора автомобильного пробега.

Сейчас очень популярны у туристов вертолётные заброски групп с целью повышения комфорта и сокращения времени доставки в места рыбалки или охоты. С высоты вертолёта не понять лес, не понять, как зарождалась Русь поморская. У меня было много вопросов от увиденного.

– А почему в деревнях дома стоят очень близко друг к другу? Ведь тут земли – хоть лопатой ешь, – спросил я.

– Я думаю, во-первых зимой тут дороги чистить от снега некому, вот и повелось ставить дома недалеко друг от друга. Во-вторых, бани раньше ставили у реки, не в деревне, и дома топили всегда по распорядку – утром и вечером, когда большая часть населения находилась в домах, так что пожаров не было, и не опасались ставить дома рядом, в-третьих дома тут смотри, как столичные коттеджи – большие, в каждом доме есть пове́ть, вот и кажется, что дома жмутся друг к другу. Для хозяйства участки достаточные, ягоды и грибы собирали в лесу, полевые работы – все в поле, охота и рыбная ловля, сам понимаешь, не в палисаднике велась, вот и нет надобности в придомовых огородах.

Рассказывал Саня много, и, наверное, ему было приятно моё неподдельное любопытство.

– В лесах местные из дальних деревень ставят в лесу избы. Каждая изба имеет название по имени основателя или по имени местности. Есть изба на Гребёнях на реке Кимже, изба на Грязновке, изба Горшок, изба Олень. Много разных названий, но есть избы, которые пугают.

– Чего, чего? – не понял я.

– Пугают, есть такие избы.

Интересный был рассказ о происхождении места Гребёни.

– Первым здесь поселился кимженский мужик Сергей Баков. Места были богаты дичью и рыбой, и перешли затем по наследству его сыну Ольке Бакову. Он был зажиточный человек, и после революции его

раскулачили и сослали. В тридцатых годах, до войны там построили новую избу, которая теперь старая, а лет десять назад поставили ещё одну, новую. Сергею Бакову стоит поминальный крест, он совсем рядом с избой, чуть выше по течению. Так вот, изба та – пугает. Были мы там однажды, ночь провели. Всю ночь шаги слышны были, и звуки странные, немного побаивались, а утром вышли – следов на снегу нет. Что там было, так и не поняли.

Я, правда, не помню, про какую именно избу Саня говорил, про новую, или про старую. А вот вторая его история про избу, имя которой не запомнил, на границе с Ненецким АО, совсем жуткая. После ночевки в той избе один охотник поутру седым вышел и в лес теперь не ходит.

В одной из своих туристических поездок Саня познакомился с женщиной, которая рассказала свою историю времен Великой Отечественной войны. В селе Карпогоры нужен был зоотехник. Работников мало в деревне осталось, а работы было много, ведь в то время всё было для фронта, всё для победы. Кого отправлять в Архангельск на учёбу? Её отец сделал плот из бревен, посадил и отправил свою четырнадцатилетнюю дочь сплавом по реке Пинега, а это почти четыреста километров по воде, то есть несколько дней пути! И не два, и не три. И, уже подходя к Архангельску, на реке Северной Двине её подобрал пароход. После услышанного, мне стало стыдно за то, что я, мужик, интересовался численностью комаров лесу, выбирая благоприятное время для своей поездки.

Далее по программе была запланирована остановка у пещер Голубинского карстового массива, который входит в состав Беломорско-Кулойского плато. В Пинежском карсте подземный мир не менее красив и богаче надземного. Сотни пещер разной протяженности и сложности, а место с выразительным названием Тараканий лог – вход в экскурсионную пещеру Голубинского провала. Там недалеко турбаза. Саня и там побывал, ходил на экскурсии, причём он пошёл правильным путём: обратился к экскурсоводу за индивидуальной экскурсией. Он бродил с гидом целыми днями по заповедному лесу и поэтому увидел и узнал намного больше, чем обычный посетитель турбазы. А однажды в пещере зимовал медведь, и туристы,

которые ходили по пещерам получили бонус в виде осмотра спящего представителя фауны.

Мы продолжили автопробег. Вдоль дороги видны были и завораживающие своей тёмной зеркальной гладью карстовые озера и проломы. Саня после своих походов по Мезенскому краю проникся его силой и диковинной красотой и продолжил свой урок краеведения.

– Вот тот, воронкообразный пролом тут называют мурга, а если оврагообразный, то это лог, – показывал мне Саня.

Я записывал все новые слова в свой блокнот. Впоследствии этот словарь местных поморских слов стал достаточно объёмный, а вот “поморьска говóря”, услышанная мной в этом походе, проникала внутрь меня, и в блокноте невозможно сохранить силу загадочного акустического воздействия её на моё подсознание.

По дороге мы свернули на Красную горку к древнему Красногорскому Богородицкому монастырю, основанному в 1606 году на горе Чёрной, и до 1630-х годов монастырь назывался Черногорский. На территории монастыря захоронен князь В. В. Голицын, скончавшийся в Пинеге в 1714 году.

У развалин монастыря, стоящего на самой высокой точке Пинежских земель впервые возникло желание сюда вернуться и посетить эти края. Первые представители христианской веры пришли с новгородцами, но в 1478 году Великий Новгород пал, и Двинские земли сделались достоянием московских государей. На Севере стали появляться многочисленные селения, расширилась местная

промышленность и торговля, строились церкви и монастыри.

Пинега. В придорожном кафе мы выпили квас местной рецептуры. Саня показал Володинский квартал и сказал, что надо бы посетить музей.

– Постараемся на обратном пути обязательно, – ответил я.

– Я как тебя высажу, сам заночую в Кимже, там есть знакомые по прежним моим походам, и мне будут рады. Про Кимжу, я тебе рассказывать не буду, в следующий раз приедешь, сделаем другой маршрут, всё сам и посмотришь. Там даже музей есть. Я там часто бывал, и рассказов от местных наслушался. “Кто на Кимже реке не бывал - богу не маливался”, - вот так там говорят местные. Как и у всех деревень Мезенского района, у жителей Кимжи существует своё групповое прозвище – чернотропы. Откуда оно

пошло уже никто не знает, говорят, что чернотропы – колдуны, порчу и сглаз насылают. Другая “чернотропная” версия связана с тем, что кимжане позже всех расстались с банями, которые топились по-чёрному, и после помывки шли домой и оставляли зимой на белом снегу следы от банной сажи. Эта версия мне больше нравится. Бани там по-чёрному до сих пор строят. Люблю я баньку по-чёрному.

– Я в бане по-черному всего один раз был, лет тридцать назад. Помню только, что дыма там было много, и прыгали сразу в речку. Там я осваивал ловлю окуней на кивок, опуская приманку в заросли кувшинок.

– Как вернётесь в деревню из леса, то тебя в баню поведут. Баня там обычная, не по-чёрному. Так вот, с баней, у Николаевича, куда ты едешь, вот какая история вышла. Захожу я в дом после бани. Ну, обычно то сначала говорят: “С легким паром!”, встречая, а тут молчание. Я тоже стою, молчу, головой кручу, ничего не понимаю. Создается какое-то напряжение что ли. Тут Николаевич говорит: “Что? Не понравилось?”

– Да нет, всё очень хорошо, – отвечаю. – Жду, когда вы мне легкого пара пожелаете.

Долго потом разбирались, откуда такой странный обычай. Теперь-то, всё по обычаю, как у всех, встречают древним русским приветственным пожеланием.

– А есть деревня, где у жителей прозвище “ледоставы”. Осенью во время, когда по реке идёт шугá, они натягивали веревки через реку, и рыхлый лёд, смешанный с водой на ветру, замерзал, образуя ледяной мост, по которому переправляли грузы,

например, сено с полей. Тут всему свои прозвища дают: и людям, и местам в лесу, и перекатам на реках, и избам зимовальным – всему.

Подъезжая к месту высадки, я сказал Сане:

– Я до поездки решил написать фоторепортаж, но сейчас мой замысел рушится, и моё внутреннее желание – получить впечатления для работы над настоящим литературным произведением, и пусть оно будет не таким складным, как у настоящих литераторов, но не хочу я писать очередной отчёт. Всё что я увидел, и всё что ты рассказал за эти полдня, заставляет серьёзно подойти к описанию этой поездки.

– Ну, я и не сомневаюсь, что напишешь, места там везде красивые, и рыбалка интересная, и люди там замечательные. Я там был и знаю, что говорю. Присылай, почитаем с друзьями.

– Я вот здесь всего один день, и уже понимаю, что земля тут не простая – сильная. Эту землю надо любить, врасти в неё, и тогда эта сила станет и твоей.

Скоро мы подъехали к месту высадки.

Лодка, ожидающая меня, представляла собой речной карбас, длиной около шести метров, сделанный по традиционной поморской технологии и просмоленный, как в старину у поморов, с известью. Местные называют такую лодку шитуха. Моторы мощные тут не применяют – по речным перекатам не пройти. В разных деревнях делают лодки с виду похожие, но разные, и их называют по названию деревни или местности. А вызвано это тем, что каждая река неповторима, и для неё нужна своя оптимальная форма. Есть деревни, где очень часто

применяют малые катера типа Казанка, Крым, Ока, а есть те, в которых их не используют в принципе.

Встречал меня Валентин, сын Николаевича – моего проводника. Валя загрузил посылки, которые ждали его на берегу, и вместе с моим багажом почти вся полезная площадь лодки была занята. Многие деревни этого края находятся на берегах рек, и летом сообщение с отдалёнными поселениями только по воде.

Саня меня заранее предупредил, что Валя не очень разговорчив, поэтому первую половину пути разговор был о том, сколько мы прошли, а вторую о том, сколько нам осталось до деревни. Час, два, три, четыре, казалось, что нет конца у этой речной прогулки. Там, где река проходит среди полей и лугов, стояли шесты – стожары и ветхие избы или сараи для ночлегов во время полевых работ. На лесных берегах встречались и избы, по всей видимости, охотничьи, промысловые, часто называемые кúшнями, а может и частные, используемые тут как дачи. Да, вот такие тут дачи! “На такую дачу мы и пойдём из деревни, и, видимо, уже ночью”, – подумал я.

Новизна окружающей действительности прогоняла накопленную в дороге усталость, и я крутился в лодке, делая фотографии то по правому борту, то по левому. А боль в позвоночнике придумала новую забавную собачью посадку – я стоял на днище лодки на четвереньках, смотря вперед себя, руками упираясь в скамью лодки.

Вглядываясь в берега реки я не заметил как появился силуэт деревенских домов на возвышенности, как типичный пейзаж береговых поморских деревень и сёл. Деревня из множества

огромных изб у ярко-красного берега реки, под ярким голубым небом северного вечернего солнца, показалась мне стужком далекого и недалекого прошлого, где время замкнулось кольцом.

В деревне почти все дома отстроены в период процветания рыболовецких колхозов. Обтёсанные брёвна, рубка “в лапу”, но сделанные на старый манер: такие же большие и основательные, те же пропорции, силуэты, так же расположены окна. Многие деревни Мезенского края очень древние, так, например, Лампожня упоминается ещё в исландских сагах X века. Здесь издревле происходили торги с иностранными купцами, известные Мезенские ярмарки.

В Мезенских селениях очень мало храмов, но этот край – настоящая “земля крестов”. Здесь всё ещё

жив старый поморский обычай ставить старообрядческие кресты-голубцы с треугольной кровлей. Кресты бывают трёх видов: могильные, обетные и поклонные. Обетные кресты часто становились как могильными, так и поклонными. Поклонные кресты расписаны на двух сторонах: на западной – надписи и рисунки религиозной тематики, на восточной – житейской. Чужих к ним, обычно, не водят, и часто они запрятаны глубоко в лесной глуши.

На берегу нас встречали комары. Уж они-то точно нас тут ждали. Быстрая выгрузка посылок, и бегом в дом, где я познакомился с семьей моего проводника, затем ужин и обратно к лодке. Телега с вещами уже готова. Николаевич запряг заранее своего Алмаза, коня местной породы, устойчивой к холодам и умеющей “копытить” – добывать корм из-под снега, как олени. Возможно, Алмаз – потомок пинежской породы, выведенной в конюшнях князя В.В. Голицына в начале XVIII века.

Лодку загрузили стройматериалами и походным снаряжением, затем выровняли дифферент и простились с провожатыми. Небо заволакивает тучами и, похоже, что эту часть пути пойдем в дождь. Я соорудил кровать чуть ниже привального бруса, улегся на слань из походных мешков, стройматериалов, ящиков, накрылся целлофаном, и поплыл как ёжик в тумане, смотря в небо, изредка приподнимаясь для осмотра достопримечательностей. За каждым изгибом реки был неповторимый пейзаж. Я погружался в дрему, но вдруг слышу:

– Лось, лось!

Я сначала подумал, что это очередное местное поморское слово, но тут увидел в пятнадцати метрах

от лодки голову лося. Он переплывал реку. Пока я доставал фотоаппарат, зверь оказался на берегу и помчался вдоль берега впереди нас, затем опять прыгнул в воду и начал переплывать реку обратно. Мы его нагнали, и я успел сделать фотографию моей мыльной, как я её называю, фотокамерой. Это название прижилось со времен аналоговых фотокамер – мыльниц.

Капитан разбудил меня, и скомандовал о подготовке к швартовке.

– А это мы тут оставим? – спросил я, показав на кучу стройматериалов для бани, которую бросили на угоре, и не стали таскать к избе.

– Мы тут сорок раз мимо проходить будем, и перетаскаем, – ответил Николаевич.

Изба превзошла все мои ожидания. Дача Николаевича (а именно дачу он и сооружал несколько лет) представляла собой зимовальную избу, рассчитанную на комфортное размещение трёх человек, а убрав стол можно было и впятером спать.

Все восхищения от этого дачного лесного участка я высказал ему уже утром. Я рухнул от усталости на пятизвездочную зимовальную лавку-кровать.

Утром я проснулся неожиданно для себя рано, в окружении расположившихся по стенкам и потолку брюхатых нашей кровью комаров. Посмотрел в окно, дождя не было, но было облачно. На столе, в фарфоровой пиале дымились таблетки от комаров, запах которых мне показался мистическим.

– Да ты тут как монах тибетский в лесу устроился! – высказался я, спросонья оценив обстановку.

На первую рыбалку собрались быстро, и это была моя ошибка, обусловленная нетерпением продолжить этот праздник знакомства с Русским Севером. В лодку надо брать всё, особенно второй дождевой костюм.

Николаевич, мой проводник, капитан и лоцман нашей лодки, умело проходил речные перекаты, управляя шестом с Т-образной ручкой, называемой тут мáличка.

– Тут всё очень интересно и красиво, и я хочу быть в лодке и просто отдохнуть, смотреть на воду и берега этой прекрасной реки. Давай спланируем так, чтобы всё время быть на воде, я готов не вылезать из лодки вообще!

– Сегодня у нас самый длинный, но и самый интересный маршрут, – сказал капитан.

– Тогда, полный вперед, – ответил я.

Шли вверх по течению. На берегу кто-то выгрузил печку и доски. Наверное, будут ставить избу или летнюю лесную дачу.

Солнце, то появлялось, то пропадало за облаками, я иногда делал фотографии, но очень бережливо. Зарядить фотоаппарат было негде, несмотря на то, что в избе было освещение светодиодными лампами от аккумуляторной батареи. Но в этот раз у меня впервые не было желания писать заметки и впечатления. Я делал записи только в свой словарь, чтобы не забыть услышанные слова. Всё остальное время я просто жил и отдыхал в лесу и на реке.

– Я не знал, что в избах сейчас такое предусматривают, и надо будет обязательно купить походную зарядку для фотоаппаратов от аккумулятора, – заметил я.

– А у меня всё на высшем уровне, для себя ж делаем. Колхоза нет, и работы как таковой нет. Сейчас вот я в школе работаю, и летом много свободного времени. Вот и на дачную жизнь потянуло. Ноги уже не те, раньше то путики клал, птицу ловил, зверя, а сейчас на охоту ходить в дальние походы уже не могу. Старший сын в сезон приезжает – любит поохотиться, и скачет тут по холмам лесным. Рябов и чухарей (глухарей) тут хватает, и зверь ещё остался, даже россомаха есть, а вот рысь уже давно никто не встречал.

Начался дождь.

– Бураком зашел.

– Чем, чем зашёл? – переспросил я.

– Бурак по-нашему – это туча, и если дождь бураком заходит, то скоро пройдет.

Так и произошло. Дождь вскоре прекратился, но потом опять бураком пошёл. Так, до вечера мы плыли вверх по течению реки, то радуясь солнцу, то,

промокая под дождём. Капли падали на темную, но прозрачную гладь реки, и появлялись серебряные пузыри, по цвету напоминающие капли ртути. Я часто останавливал свой взор на этих серебристых шариках, настолько они успокаивали и радовали меня.

Рыбачили мы, то поднимаясь вверх по течению, то сплавляясь. Решение принимал капитан лодки. Я намотал леску на катушку, достал свой чемодан и показал Николаевичу.

– Закрой свой ящик. Вот тебе муха, лови. Мне в прошлом году турист один оставил в подарок коробку, вот я и пользуюсь.

Я начал готовить снасть.

– Я смотрю, ты по-другому подлесок вяжешь, – заметил капитан.

– Да, я как-то увидел однажды этот узел, и так его и вяжу, а потом прочитал в интернете, что это самый прочный – узел Линдемманна. На рыболовном форуме недавно делали сравнение узлов, так этот показал лучший результат.

– Потом покажи мне, как его вяжешь.

Мы “тянули муху”, так тут привыкли ловить хариуса, не имея нахлыстового спиннинга. Если сплавлялись, то шестом и веслом толкали лодку к берегу, замедляя её ход, и ловля была похожа на поплавочную ловлю в проводку. Я попробовал соорудить снасть с бомбардой, или как её тут называют – с балдой, но потом отказался от этой идеи и продел сквозь шнур пенопласт, служивший мне маяком на воде во время проводки мушки.

– Весло на кочетó одень, будешь подруливать,
– попросил меня капитан.

– Коче что? – переспросил я.

И тут началась долгая история про кочето. На поморских речных лодках “замест оключины в нашу лодку” ставят колышек, на которое одевают весло для гребли. Это первое его предназначение. Кочето, наряду с бурундуком, есть такая штука распрехитрая (я потом в интернете посмотрел – дощечка с отверстием, куда продевается бечева), служило основой для волочения лодок по суше или для преодоления порогов. При натягивании бечева получается двойная тяга — за кочето, и за нос лодки, и лодка не перевёртывается. Это второе его предназначение. Ну, а третье его предназначение я оставлю, как говорят “за кадром”. Вынул я этот кол – деревяшка деревяшкой, а в нужном месте и в нужное время – незаменимая вещь.

– А это, закрытый рыбзавод, – показывая на силуэты трёх избышек, начал Николаевич свой рассказ о некогда славных, но иссекаемых в наше время рыбных богатствах реки.

– Я ещё помню, приехал начальник шибко умный и закрыл наш рыбзавод, а другой посчитал, что восстановление нецелесообразно, а ведь он был уникальный, его тут не зря поставили, на этом ручье. Только в этом единственном ручье состав воды такой же, как в реке. На других притоках реки разводить малька рыбы (так тут сёмгу называют) не получалось. Вот и стоят избышки как памятник, а рыбы в реке всё меньше и меньше становится, тянется по реке мелкими группами на нерест. Малек рыбы – пестрятка в реке есть, но без рыбзавода восстановить стадо не сможем. На Кимже-реке в 90-х местные всё

стадо полностью выбили, даже малька уже нет, а там рыба шла спина к спине на нерест. А мезенская то рыба самая вкусная, печорская самая крупная, а вот наша – самая вкусная считалась.

Хариус ловился, было много мелкого, и для этого на борту лодки я сделал “мерило”, отмерив 5 раз по длине коробка спичек. Это был размер рыбы, которую забирали. Всех, что меньше, а таких было почти половина, отправляли в реку.

– Слушай, вот что я скажу, – решил я продолжить нашу болтовню о том, о сём. – Все эти эксперты и чемпионы, которые пишут в журналах про ловлю хариуса, – балбесы полные. Один поучает ловить до переката, другой на перекаате, третий за перекаатом, кто в ямах, кто на струе, кто под струёй, кто над струёй.

Николаевич усмехнулся, с выражением одобрения, я продолжал.

– Хариус ловится везде! Только условие нужно простое. В реке должен быть хариус! А там, где его нет, или остался последний, то вымучивать его разными мухами и блеснами не нужно. Всю энергию этих умников нужно направить на то, чтобы в реках этот хариус был, а не на то, как и где его поймать. Вот прошли мы рыбзавод, что мешает им на свои чемпионские гонорары восстановить его, чтобы рыбу разводили? А? Нет же. Куда интереснее и безопаснее поучать других как её, рыбу, ловить. Будто цель рыбалки – это поимка рыбы. Я вот, за эти полдня совсем не парюсь, где поймал, как поймал, сколько поймал, плывём, ловим, отдыхаем. Вот оно – рыбацкое счастье, настоящее, как в детстве.

– Через час к горе подойдем. Ива – горой называют, на берегу растут ивы, но название, наверное, от слова диво-гора, я так считаю. Ивы тут повсюду растут, а гора одна, дивная, почти сто метров. Есть поверье – если кто на гору заберётся, то обязательно вернётся. Я сам забирался, давно дело было, а вид с горы – красотища.

– Я перед поездкой смотрел фотографии, и действительно, – лепота, а вот забираться на гору не буду, но обещаю, что в следующий раз когда соберусь в поход по Мезенскому краю, а пойду уже другим маршрутом, я обязательно сюда приеду на один день, чтоб сдержать своё слово.

– Приедешь, куда денешься. Река наша потянет.

Подойдя вплотную к горе, я взглянул вверх. Впечатление, будто на тебя стремительно падает стометровая красно-коричневая волна, настолько она поражала своими размерами. Рука тянулась к фотоаппарату, но я просто смотрел вверх. Ни одна фотография не сможет передать момента восхищения этим творением природы. Я сделал фотографию, но уже когда мы отделились от горы.

– Вот и изба. Раньше тут почтовый тракт был. Потом, когда колхоз создали, тут коммуна была из нескольких семей, и хозяйство большое: коровник, лошади, пашни. Все сгнило. Лет двадцать назад тут избу новую поставили для охотников, для местных, и для путешественников, таких как ты.

На мне было много слоёв из одежды, тем не менее, я промок до костей. Я разделся, и замер,

обогреваемый теплом печки, наверное, на полчаса. Изба используется для всех, кто путешествует в этих краях.

От этой избы до небольшого лесного озера, где можно половить окуня и щучку два часа ходу. Можно было переночевать и пройти лесом к озеру, но что-то не было у нас желания. Меня вполне устраивала водная прогулка.

Возвратились уже за полночь. Хотя какая тут в приполярных лесах полночь в июне? Ночь у нас была временем сна, а не временем суток, вечерняя заря сменяла утреннюю.

Проснувшись, я пошёл умыться. Эту ежедневную лесную процедуру я бы назвал очередной данью комарам. Прихлопнув нескольких, говорю:

– Настоящий хозяин леса не медведь, настоящий хозяин тут – комар! Пойду кашу варить, устрою тебе английский приём!

Овсяная каша с деревенскими сливками и маслом пошла “на ура”. Тучи опять бураком заходили, от дождя было сыро, сидеть в лесу не хотелось. Собрали все вещи, и в поход. Я предварительно нацепил на себя все свои дождевые костюмы. Теперь никакой бурак мне не страшен.

– Пошли на воду, я тебе сюрприз приготовил, – с улыбкой позвал меня Николаевич. Я подошёл к лодке. На носу стоял детский школьный стул.

– Так у нас теперь не лодка, а катер! – воскликнул я, – Спасибо, отличная идея!

На стуле было намного удобнее, и даже дождь совсем не мешал нашему разговору.

– Есть про наши земли такое поверье, – сказал капитан, отчаливая. – Царь Борис Годунов отправил в поморские земли своего дьяка. Тот вернулся и сказал: “Сей козий край для жизни не пригоден, и земля не земля, и люди не люди”.

Эта известная из истории фраза в поморских землях приписывается разным историческим личностям: то Петру Первому, то его сподвижникам. Сказанная то ли во время северных походов, то ли во время строительства Петербурга она здесь воспринимается как шутка, но на которую отвечают: “Живём мы тут давно, и уезжать не хотим”.

По желанию делали остановки и рыбачили. Набрали ключевой воды в ручье, который прямо из прибрежной скалы вытекал, и пошли дальше “муху тянуть”. Капитан давал команды и иногда произносил странное слово – лúда, впоследствии объяснив мне, что это в реке песчаная отмель с резким свалом, – бровка по-нашему. Одну такую луду он мне показал.

– Смотри, вот тут раньше, много лет назад, ели стояли, и в один момент все провалились, воронка образовалась, карстовый пролом, а потом река песка нанесла, и остров теперь тут песчаный.

После остановки на походный обед, я расстелил целлофан на траве, лег на землю, и долго смотрел в небо. Над нами кружили ласточки, хотя рядом не было крутых песчаных берегов – мест их гнездования. Откуда прилетели? Остановку сделали намеренно у одной избы, которую зимой медведь проведаль. Стекло выбито, по стене слабо проглядывались следы от когтей. Что там искал?

Я уже привык к береговым пейзажам. Особенно поражали типичные для мезенских рек берега щёльи

– отвесные, ровные, оранжево-красно-коричневые береговые обрывы. Реально безумный цвет. Иногда щели достигают высоты десятков метров, а их склоны будто обрезаны ножом. Ива-гора самая высокая щель, или щелье (и так, и так, видимо, правильно). Многие слова тут произносят на свой манер. А рыба чешуя тут называется – клёск. Сколько новых слов!

Я уже перестал ошибаться и называл местные названия с нужным ударением, чем порадовал Николаевича.

– Русским становишься! – сказал он мне на третий день похода.

В одной из наших бесед, Николаевич произнёс простую, но очень ёмкую фразу, в которой была

заклучена вся правда этого края, и обсуждать которую было бессмысленно:

– Это каждый город одинаков, а деревни разные.

Я ответил:

– А знаешь, я всегда ищу такие короткие, но яркие и правильные слова. Вот сейчас ты сказал мне то, что я искал.

Идём дальше, ловим. Я переставляю свой стул то по ходу движения, то против. Смотрю то в воду, то в небо, то в берег, украшенный яркими жёлтыми цветками, растущими в воде, и которые тут незаслуженно зовут лопухами. Вдруг Николаевич выключил мотор и шёпотом мне говорит:

– Тихо, по правой стороне – медведь!

Зверь вышел на запах лося, утонувшего зимой, тушу которого прибило к противоположному берегу. Почуввав нас, он быстро скрылся в лесу. В холодной воде процесс разложения не такой быстрый, и поэтому, утонувший лось представлял интерес для медведя.

Всё-таки дух “самоделкина” во мне проснулся, и я решил попробовать модернизировать выданный мне “крючок с перьями”. Для повышения плавучести мушки я надел на крючок кусок оконного утеплителя, не заморачиваясь на предмет эстетики этой ужасной, с точки зрения мухозязов, конструкции. Хариус оценил утеплённую муху!

Если дождь усиливался, я закутывался в целлофан и мы просто беседовали, как старые закадычные друзья после долгого расставания. Интересный диалог был про пороги на реках.

Порогам тут дают названия, порой даже очень причудливые. Вот некоторые, что мне запомнились: Поп, Попадья, Разбойник, Крутик, Росомаха, Бабушка.

Прямо над нашими головами пролетел белохвостый орлан, я его никогда так близко не видел в полёте. Размах его крыльев впечатляет.

Время я перестал замечать с первого же дня, а даты путали постоянно, выясняя, когда у нас последний поход – возвращение в деревню. Летняя полярная ночь смешала все понятия и привычный распорядок дня. Я попал в другой мир, с другими законами и другим течением времени.

Прежде чем продолжить, я сделаю очень важное отступление от темы. Современные рассказы и репортажи о рыбалке, доступные читателям, как в журналах, так и в интернете, опираются на фотографии. И очень часто эти фотографии рассказывают гораздо больше, чем текст авторов, а уж если тексты заказные или неинтересные, то фотографиями всё и заканчивается.

Просматривая некоторые удачные фотографии, можно увидеть не только картинку, но и настроение фотографа, его причастность к происходящему. Зачастую, мы делаем фотографии для того, чтобы запечатлеть то или иное событие, концентрируясь исключительно на эмоциональности момента.

Но фотографии стали повседневностью, и мы забыли про такое искусство как живопись. Я хочу напомнить о роли живописи, её призвания раскрывать цветами красок свойства живой природы, с которой я сталкиваюсь в поездках на рыбалку. На своих холстах художники учат понимать краски, их глубину, густоту, яркость, великолепие их переходов. Они учат проникать в мир красоты, созданной природой. Живопись, а не фотография научила меня

видеть величие и превосходство красок живой природы.

Да, фотографии помогают запомнить увиденное, а многие из них обладают и метаданными: эмоции, звуки, запахи, движения. Делая фотографию на память, я стараюсь запоминать всё, что со мной происходило в этот момент. Но, как бы человек не старался со своими 5D технологиями – ему не под силу догнать своего создателя – природу. На каждое новое “D” природа раскроет новое неизведанное измерение. Нужно только научиться понимать и оберегать то, что создано природой для нас. Во время моего посещения Чукотки мне рассказали, что в чукотском языке сорок слов обозначают белый цвет. Сорок слов, сорок оттенков белого! Вот пример, как надо учиться понимать краски природы, красоту нашего мира.

Последний вечер на даче у Николаевича я провёл на лавочке, у костра, пристально изучая поварню – простую и гениальную конструкцию лесной архитектуры. Я строил планы на следующий более продолжительный и дальний поход: достаточно взять гвозди и легко соорудить такую поварню в лесу, а вот таган лучше приготовить заранее и взять в лодку. Таган в этих краях – не обруч на ножках, служащий подставкой для котла, и не треножник. Таган делают из бруска или доски, он имеет множество отверстий по оси бруска для изменения высоты подвеса котелка над огнём и устанавливается на поварне. Таганное варево продымляется, и такая походная еда отличается от приготовленной на печи. Перед тем как закоптить рыбу, Николаевич достал заранее приготовленные опилки.

– Ольховые? – спросил я.

– Зачем? Осиновые, мы на осиновых коптим.

– Так вот же ольха растёт!

– Мы на осиновых коптим, мы так делаем.

– Может попробуем на ольховой листе? Я помню, в одном походе, я тогда ещё сопляк был, сделал так: взял лист железа, его скрутил в трубу и поставил прямо над костром, то есть на угли уже. А из проволоки связал сетку. В трубу, на угли, я кидал листья ольхи, а сетку ставил на трубу. Дыму было как от паровоза, и вот так, постоянно подбрасывая листву, я коптил своих рыбок, которых укладывал на сетку. Давай вторую закладку на листьях сделаем?

– Хочешь, делай.

Сидя у поварни, и меняя высоту подвеса походной коптильни, я вдруг увидел, что над рекой встала радуга. Я встал, сделал несколько шагов вперёд и на несколько минут замер, смотря на неё. Она кричала своими красками! Как же давно я не видел такой мощной и яркой радуги! Мелодия Eclipse из гениального музыкального альбома Pink Floyd заиграла внутри меня.

*Все, чего ты касаешься, видишь,
пробуешь, чувствуешь, любишь,
ненавидишь, сомневаешься, хранишь,
раздаешь, создаешь, разрушаешь,
все, что есть, что было, что будет
– всё в гармонии с Солнцем!*

Но в моём случае не Луна, а Радуга затмила Солнце!

– Смотри, там вторая!

Я даже не заметил, что над первой встала вторая, менее яркая, но не менее величественная.

Я стоял и смотрел в небо. Всё в гармонии с Солнцем!

В памяти промелькнуло моё лучшее воспоминание из детства. Наша палатка стояла на пригорке под тенью невысоких сосен. Мой отец, запарив перловку, и проверив банку накопанных мной дождевых червей, взял меня с собой на рыбалку. Мы шли под ярким голубым небом в лучах утреннего солнца. На краю поля лежал огромный красно-коричневый валун – здесь мы свернули с опушки леса, и пошли к реке. Всё, что осталось от туристических походов моего детства, – это та наша дорога к реке по тропинке через ячменное поле.

Отдав, умываясь, последнюю утреннюю дань местным комарам, начали собираться.

– Пойдём, я тебе покажу тот цветок, про который ты спрашивал. Тут недалеко есть три куста.

Подошли.

– Вот он, Марьин корень, ты его с шиповником путал.

Где-то на полпути к деревне встретили морских зайцев, – группу их трёх тюленей и одиночку. Тот грелся на песчаном берегу, но увидев, что лодка сменила курс, и направляется в его сторону, плюхнулся в воду, но потом выглянул, посмотрел на нас и опять под воду. Вынырнул уже за двести метров от нас, показал опять свой любопытный нос и исчез под водой.

– Были тут экологи и Лайма Вайкуле с ними. Так после её концертов промысел лахтака и закрыли. А это нам какой доход-то был! Самых лучших выбирали в колхозе и отправляли вахтой на месяц на промысел. И природа не страдала. В природе баланс нужен. Рыбу в море ловят, а промысел тюленя запретили. А сейчас эти зайцы в реки стали заплывать. Рыбы им уже в море не хватает, расплодились, и сюда плывут, последнюю жрут. Может, опять промысел возродят? Надо бы. Рыбы всё меньше и меньше заходит.

За всё время похода мы не встретили ни одной лодки, и только возвращаясь в деревню, догнали группу туристов с местным проводником. Один сидел в лодке, как я, а другой на своей надувной ПВХ лодке их догонял. Мы поговорили, они собирались выйти на берег, пойти к лесному озеру и там

заночевать. Оставив лодки на берегу, они скрылись в лесу.

В наших повседневных беседах я вдруг заметил, что поморська говóря не использует ругательные слова, что очень сильно отличает жителей поморских земель от нас, жителей зацивилизованных, и, признаюсь, что в какой-то момент постыдился произнесённой “хни”. А позже заметил, что моя разговорная речь мало чем отличалась от поморской. Это было, какое-то очищение. Разговорный язык очень сильно напоминал язык начала двадцатого века, известный мне из литературы того времени.

Я всячески старался оттянуть этот момент, но приход в деревню был предначертан течением реки. Мы не спеша выгрузили вещи в стоящий на берегу сарайчик, стоявший в ряду таких же простейших, прибрежных построек. Зашли в дом. Нас ждали. Меня, как гостя, первым отправили в баню. Усталость давала о себе знать, и выйдя из парилки, я сел на лавку, закрыл глаза и... поплыл. Меня качало так, как будто я плыву в лодке сплавом по перекатам. Моё тело не хотело расставаться с рекой.

Я вошёл в дом, помня историю Сани про баню, и поэтому не спешил благодарить за пар.

– С легким паром!

– Спасибо за пар и за Лодочку! – ответил я.

– Теперь я тебя не понимаю.

– Баня твоя, как лодочка катает и должна иметь своё имя, собственное. Вот и предлагаю: Лодочка. Как вышел из парной, закрыл глаза, так и поплыл, как по волнам.

Забавная ситуация случилась у печки после ужина, когда я уже собирал вещи. Надо было что-то выбросить, и я спросил, куда мне мусор кидать.

– А за шесток кидай! – ответила, радостно улыбаясь, шестилетняя внучка, всё время наблюдавшая за возвратившимися домой путешественниками. И показывает в сторону печки. Я начал искать шесток у печки. Оказалось что шесток – это специальная ниша за устьем русской печи.

– Всяк сверчок, знай свой шесток! – сказала девочка, и поехала кружить по комнате на трехколесном велосипеде. – Всю зиму на печке зимуем! – опять улыбаясь, сказала мне как бы вдогонку.

Всё когда-то заканчивается. *“Очень много уголков на свете, у которых я в долгу”*, – это строки из песни. Вот и мезенский уголок для меня один из них. Эта поездка изменила, нет, вывернула меня. Именно так. Сюда хочется возвращаться только по одной причине: потому что нельзя не вернуться. Здесь, в глухих северных лесах, спрятана правда о русском народе и вера в него.

Рано утром я попрощался с Николаевичем. Он крикнул вдогонку сыну:

– Огороду-то взял?

– А что это за чудо такое, что его надо нам взять? – переспросил я.

– Да это защита для мотора лодочного. Огораживает винт – вот и огородой называем. Надо Сане передать, как приедем на большую землю, – ответил Валентин, подготавливая себе место рулевого на катере, подготовленного заранее для моей прощальной прогулки по реке.

Эти последние часы на воде я лежал в лодке, смотрел в Мезенское небо и думал.

Небо Мезени. Какое оно?

Литературный классик мирового уровня однажды написал про небо, и мне остаётся только процитировать его, не найдя других слов: *“Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его, наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!”*

А ещё я думал о том, что же произошло со мной за эти несколько дней. Мне теперь целый год ждать встречи с этой рекой! А ведь прав был

Николаевич, сказав, что река потянет. Я ещё не уехал, а река уже тянет.

Увидев на берегу Бухлобус, я понял, что наступает момент прощания с рекой. Момент, известный многим в минуту отходящего поезда, уносящего от родных и близких в дальний путь.

Теперь, усевшись на пассажирское место УАЗика, не я расспрашивал Саню, а он меня. Я почти всю дорогу рассказывал ему про свой поход, и постоянно благодарил его за выбранный для меня маршрут. Когда въехали в Пинегу, Саня свернул с дороги в сторону музея.

– У нас есть тридцать с половиной минут, – так он подшутил над моей привычкой измерять время с точностью до полминуты.

Селение Пинежский Волок известно с 1137 года, и всегда имело важное значение: здесь находился волок между реками Пинега и Кулой, то есть это был кратчайший речной путь из Архангельска в Мезень. В 30-е тут был центр КулойЛАГа, строившего вместо старого волока канал. Нынешняя Пинега – маленький старинный городок с неповторимой северной аурой и деревянными мостовыми.

Я сейчас сожалею, что не смог прослушать весь рассказ в музее об истории и людях этого края. Экскурсовод переносил меня в далёкие времена: *“Пинежская ярмарка, до революции, называемая на простом ходячем языке Никольскою, имела все признаки старинных русских мирских сходок. В ней всё непринужденно и искренно, всё живёт нараспашку. Затронутая самым живым интересом – интересом барыша, она шумит, как вообще шумит*

русский человек. Чуется в ярмарочном гуле и безнадежный визг последней копейки, поставленной ребром". Только в музее вам признаются, что жители Пинеги получили своё насмешливое прозвище – водохлебы, за то, что они продавали воду для лошадей, на которых привозили товары на ярмарку. Нигде на Русском Сервере так не делали.

Мы продолжаем путь, по большаку, всё чаще и чаще встречаются деревни и сёла.

– Вот здесь автоклуб off-road купил два дома, и летом сюда приезжают дети из подшефного детского дома.

– Молодцы мужики, у этих детей будет своё воспоминание из детства *“о дороге к реке по тропинке через ячменное поле”*.

Всё ближе и ближе город, всё меньше и меньше слов. На железнодорожном вокзале мы присели на дорожку. Мы долго молчали, потому, что понимали друг друга.

Мезень. Это не территория. Это неизведанная сторона человеческой души.

